

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-66-78>

УДК 316.334.2

А. А. Солдатов✉

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Лоцманская ул., 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Введение. Проанализированы механизмы влияния политических процессов на мировую экономику и роль государств как компоненты политического порядка в данных процессах. Существует ли непреодолимый антагонизм между такими понятиями, как «рынок» и «государство»?

Материалы и методы. Используется социологический анализ процессов формирования рынков в контексте работ крупнейших представителей современной социологической и экономической мысли: Ф. Блока, Д. Коулмана, Ч. Миллса, Н. Флигстина, К. Поланьи, И. Валлерстайна и др.

Результаты исследования. Достаточно часто в российской и зарубежной научной практике указывается на фактор негативного влияния государства на регулирование экономических процессов, но проведенный в работе социологический анализ показывает, что существует громадное количество способов позитивного участия государственных структур в формировании социальных институтов, в том числе и рынков.

Обсуждение. Под принятое в современной социологии определение «субъект экономической деятельности» попадают как отдельные индивиды, так и крупные хозяйственные субъекты. Это могут быть как физические, так и юридические лица, в том числе и государства. С точки зрения классического социологического подхода, государство по отношению к экономике всегда выступает в роли внешней силы, и его роль сводится главным образом к созданию благоприятных условий для бизнеса, что есть не что иное, как вмешательство в хозяйственную жизнь.

Заключение. Следовательно, в структуре современного капиталистического мира не существует непреодолимого антагонизма между такими понятиями, как «рынок» и «государство», в процессе формирования нового миропорядка они как важнейшие политические институты тесно взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга соответствующее влияние.

Ключевые слова: рынок, капитализм, государство, экономическая социология, социальный класс, социологические модели действия.

Для цитирования: Солдатов А. А. Проблемы регулирования рынков в современном мире // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 66–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-66-78

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 03.04.2019; принята к публикации 13.05.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Soldatov A. A.✉

State Marine Technical University
3, Lotsmanskaya str., 190121, St. Petersburg, Russia

THE PROBLEMS OF MARKET REGULATIONS IN THE MODERN WORLD

Introduction. The mechanisms influence of the political processes on the world economics and the role of the states as the components of the political order in these processes are analyzed. Is there any irresistible antagonism between such notions as «market» and «state»?

© А. А. Солдатов, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Materials and methods. *The sociological analysis of the processes in the market formation in the context of the great representative's works of the modern sociological and economical thought such as F. Blok, J. Coleman, N. Fligstein, K. Polany, Ch. Mills, I. Vallerstein is used.*

Results. *The factor of the negative state influence on the regulation of the economical processes is rather often indicated in the Russian and foreign scientific practice. But the sociological analysis in this work shows that there is a great number of ways in the positive participation of the state structures in the formation of the social institutes including markets.*

Discussion. *Under the definition accepted in modern sociology "subject of economic activity" includes both individuals, and large economic entities. They can be both physical and legal persons including the State. From the point of view of the classical sociological approach the State in relation to the economy always acts as an external force and its role is reduced mainly to the creation of favorable conditions for business which is nothing but interference in economic life.*

Conclusion. *Consequently, in the structure of the modern capitalist world there is no insuperable antagonism between such concepts as the market and the State, in the process of forming a new world order they as the most important political institutions closely interact with each other and exert corresponding influence on each other.*

Key words: market, capitalism, state, economic sociology, social class, sociological models of action.

For citation: Soldatov A. A. The problems of market regulations in the modern world. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 66–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-66-78 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 03.04. 2019; revised 13.05.2019; published online 25.06.2019

Введение. В современной политической социологии вопрос о роли государства как компонента политического и экономического порядка является одним из важнейших. Вместе с тем относительно противопоставления таких фундаментальных понятий, как «рынок» и «государство», сложилось множество подходов. С точки зрения классической экономической теории, ведущей свою родословную от Адама Смита, это по своей сути антагонистические категории, которые могут укладываться в классические противопоставления: правый–левый, либерал–государственник, капитализм–социализм. Исходя из позиций неоклассического подхода, которым в большинстве случаев оперируют современные либертарианцы, любое вмешательство государства в экономическую сферу приводит к негативным последствиям по самому своему факту. В качестве весомых доводов приводится история «тоталитарных режимов», где государственные структуры активно прибегали к практике массовых национализаций и экспроприаций, а это в свою очередь порождало террор и репрессии. При этом авторы подобных воззрений не указывают на гораздо более многочисленные примеры «правых диктатур», эталонным примером которых является режим Пиночета в Чили. В действительности многие авторитарные режимы устанавливались в интересах крупных частных компаний, которые именно таким способом пытались подавить экономическую свободу более мелких хозяйствующих субъектов. При этом структура экономики подобных государств оставалась целиком капиталистической, но свобода рыночных транзакций ограничивалась. Уже по одному данному факту напрашивается вывод, что капитализм и рынок не синонимичные категории.

На данное обстоятельство указывал, в частности, крупнейший французский историк Фернан Бродель, утверждая, что капитализм охватывает собой только сектор монополий; он не считал свободный рынок признаком капитализма и «даже, наоборот, настаивал на том, что капитализм – это “антирынок”» [1, с. 88]. Подобная ситуация складывается тогда, когда частные корпорации монополизируют рынки в своих интересах и тем самым снижают

риски конкуренции. Известный американский экономист середины XX столетия Р. Коуз в знаменитой работе «Теория фирмы» сумел раскрыть причины создания крупных предприятий, в качестве основного фактора он назвал снижение риска «транзакционных издержек» [2, с. 12]. Внутрифирменная структура таких крупных объединений выстроена вертикально-иерархически, но жесткая система управления никоим образом не следует из ведущего мотива рыночных обменов – максимизации прибыли при минимизации издержек. Таким образом, Р. Коуз приходит к выводу, что такие внутрифирменные отношения по своей природе не рыночны, поскольку предполагают жесткую организацию, которая способна подавлять в целом ряде случаев индивидуальные мотивы действия. Другой видный представитель неинституциональной школы, американский экономист О. Уильямсон, ввел жесткое противопоставление «рынков и иерархий» [3, с. 45].

Материалы и методы. Также достаточно часто в российской и зарубежной научной практике указывают на фактор негативного влияния государства в попытках регулирования экономических процессов. Например, утверждается, что установление госмонополий в отдельных сегментах хозяйства резко повышает риски для частных инвесторов, а значит, в конечном счете, ведет к длительной стагнации. При этом широко известны многочисленные примеры частно-государственного партнерства, за счет которого многие государства сумели совершить экономические прорывы, и, в частности, наиболее известный случай – это Китай. В сегодняшней России также существуют удачные примеры «государственного предпринимательства», например, это госкорпорация «Росатом». В то же время не существует никаких универсальных законов, согласно которым частная фирма будет эффективнее госпредприятия и наоборот. Все зависит не от формы собственности, как полагают ортодоксальные марксисты (равно как и неолИБералы), а от целой совокупности факторов: грамотный менеджмент, инвестиционная привлекательность, прозрачные правила игры, четкая законодательная база и т. д. На место прежних устойчивых дихотомий государство–рынок приходит, по утверждению американского экономиста Фреда Блока, новая парадигма, которая заставляет переосмыслить происходящие в мировой экономике процессы: «Новая парадигма начинается с опровержения идеи вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Вместо этого утверждается, что его действия всегда играют ключевую роль в формировании хозяйства» [4, р. 699].

Если исходить из данных положений, не существует весомых оснований для рассмотрения государства в качестве надхозяйственного субъекта как негативной внешней силы по отношению к экономическим процессам. В действительности политика государственных органов во многих случаях направлена на реформатирование рынков, в результате чего создаются новые и исчезают старые. Экономическая деятельность всегда выстроена из гибкого сочетания усилий государства и игры рынка. При этом само понятие «государство» не имеет никакого универсального значения, и его не следует абсолютизировать, поскольку оно состоит из отдельных институтов. Существуют многочисленные примеры эффективного государственного регулирования, которое, в конечном счете, привело к феномену экономического чуда: Япония, Южная Корея. В то же время есть не менее многочисленные примеры грубого вмешательства государства в экономическую сферу общества, что порождало примеры неэффективного планирования и рост теневого сектора. В последнем случае побочным эффектом являлись «бегство капиталов», обнищание, усиление репрессивного аппарата. В связи с этим чаще всего в пример приводятся различные «социалистические эксперименты» в «странах третьего мира»: массовый террор в Кампучии, «эфиопский социализм», современное положение

в Венесуэле и т. п. При этом критикам подобных социальных экспериментов можно возразить, что к катастрофическим последствиям способно привести и полное устранение или, проще говоря, «бегство государства» из экономики. В таком случае появляются квазигосударственные хозяйственные игроки, которым государственные органы негласно делегируют полномочия по установлению «правил игры». Негативные последствия подобных социальных практик более чем очевидны: рост коррупции, правовой вакуум, внешнее управление.

Таким образом, эффективные действия государственных институтов крайне необходимы для выстраивания оптимальных хозяйственных моделей, это сфера экономической политики. При этом неотъемлемой частью данного процесса являются сами рынки, именно они обеспечивают индивидам и социальным группам возможности оптимального выбора. Государства не просто структурируют рынки, но в целом ряде случаев создают и ликвидируют их, это зависит от вполне конкретных обстоятельств. Например, в большинстве стран мира запрещен легальный оборот оружия, но не все из них способны предотвратить формирование «черного рынка вооружений». Данное обстоятельство может быть связано с вооруженными конфликтами, которые являются питательной средой для нелегальных сбытчиков. Но сами войны и конфликты, в свою очередь, тоже могут иметь определенный коммерческий интерес. Неоспоримый факт, что от многочисленных конфликтов выигрывают производители и поставщики вооружений, как государственные, так и частные. Последний пример заслуживает особого внимания, поскольку коммерческие компании руководствуются преимущественно рыночной мотивацией по принципу «ничего личного, только бизнес». Но в данном случае банальные коммерческие расчеты могут войти в жесткое противоречие с государственными интересами. Может ли частный производитель или продавец вооружений сбывать товар недружественному государству? Подобная практика порождает «конфликты интересов» и жестко пресекается государственными органами. То же самое можно сказать о ценных технологиях повышенной секретности. Ведущие и развитые государства мира очень тщательно регулируют процесс экспорта «высоких технологий» в третьи страны. В отдельных случаях это становится козырем в политическом противостоянии и используется в качестве элемента давления: санкции США против отдельных государств, ограничения на торговлю с «неблагонадежными режимами».

В то же время вложения конкретных государств в военную индустрию далеко не всегда рыночно обоснованы и зачастую затратны, а следовательно, неэффективны. Можно привести пример «рейганомики», ставшей своеобразной визитной карточкой США в 80-е гг. XX столетия. Однако, по мнению большинства исследователей, именно грамотно выстроенные инвестиции в военную индустрию стали мощнейшим драйвером экономического развития страны, позволившим покончить с кризисом предшествующего периода. Напротив, опыт СССР со всей очевидностью показал пагубность колоссальных вложений в оборонную сферу, которые обескровили экономику страны. Следует, однако, учитывать сам критерий эффективности. Многие американские начинания сопровождались соответствующим PR-обеспечением, как, например, широко раздутая программа СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), которая так и не была претворена в жизнь. Также американцы, в отличие от СССР, продавали по всему миру вооружения по полной коммерческой стоимости, за исключением самого близкого союзника, но это отчасти компенсировалось дополнительными рабочими местами. С другой стороны, государства, которые по соображениям экономической целесообразности не тратят средства на поддержание собственной обороноспособности, рискуют не только своим благополучием, но в отдельных случаях и суверенитетом. Многие вполне успешные в экономическом отношении

страны практически исчезли с международной карты мира именно в результате внешней агрессии: Югославия, Ливия. Таким образом, используя различные инструменты (в том числе военную агрессию), конкретные государства создают, регулируют и ликвидируют рынки. Например, демократизация политической сферы привела к исчезновению легального рынка работорговли и детского труда. Существуют и спорные примеры использования механизмов легализации рынков, в частности, узаконенная торговля «легкими наркотиками» в строго ограниченных районах отдельных стран. Также по признанию ведущих политиков мира, военные операции в разных регионах часто осуществляются для рекламы собственного оружия, что стимулирует развитие международного рынка вооружений.

Теперь хотелось бы остановиться еще на одной немаловажной проблеме. Соотношение понятий «рынок» и «государство» тесно связано с фактором функционирования «глобальных рынков». По мнению многих экспертов, содержательной стороной процесса глобализации является наличие транснациональных корпораций (ТНК) как основных субъектов мировых экономических процессов. Как сторонники, так и противники глобализации в один голос утверждают, что интересы ТНК стоят выше позиций отдельных государств, даже таких могущественных, как США. В качестве веского довода приводится факт свободного перемещения капиталов и рабочей силы. Еще в 70-е гг. прошлого века появилось такое понятие, как «беглая фабрика», что явилось причиной свертывания целых отраслей промышленности в прежних индустриальных гигантах и появления новых промышленных стран: Китай, Бразилия, Таиланд. В результате в самой крупной экономике мира США не производят телевизоры, а некогда флагман американского автопрома город Детройт находится в глубочайшей экономической депрессии, сравнимой по своим масштабам с 1920–1930 гг. Вместо «индустриального пояса» появился «ржавый пояс».

Эти доводы свидетельствуют об утрате влияния национальных государств в пользу глобальных игроков, коими являются конкретные экономические субъекты. Последние решают свои споры в международных экономических институтах: ВТО, Международный банк, МВФ. Однако принятые там глобальные соглашения не всегда эффективно работают, поскольку нет конкретных механизмов их реализации. В настоящее время по-прежнему отдельные государства прибегают к торговому протекционизму, а с приходом к власти Д. Трампа к ним присоединились и США. Многие страны сегодня стремятся защитить свои локальные рынки от глобального диктата ТНК, и это дает основания говорить о том, что маятник качнулся в другую сторону, к деглобализации. Фред Блок указывает в связи с этим на факт существования рыночных сфер, которые не в полной мере охвачены глобальными соглашениями: «Одной из сфер, не охваченных подобными соглашениями, является мировой рынок корпоративного контроля. Очень трудно производить агрессивное поглощение практически в любой стране, за исключением, пожалуй, США и Великобритании» [4, р. 701]. Права собственности и суверенитет являются своеобразными регуляторами между государственными структурами и бизнес-элитами. Поэтому чиновники, которые регулируют сам процесс смены собственности, далеко не всегда руководствуются только принципом коммерческой выгоды. Этим, например, объясняется тот факт, что в результате «залоговой приватизации» в Российской Федерации середины 1990-х гг. самые «лакомые куски» достались «родным бизнесменам», а не иностранным компаниям, которые могли бы заплатить за них настоящую рыночную цену. В противном случае российские чиновники жертвовали своей властью, а Россия – суверенитетом.

Результаты исследования. Представители западной социологической мысли уже не первое десятилетие пытаются преодолеть противоречия между необходимостью государственного регулирования и свободой рыночных отношений. В новой экономической социологии данная концепция, ведущая поиск способов преодоления хозяйствующих антагонизмов, получила название «реконструирование рынка». В современной парадигме экономического мышления протекание хозяйственных процессов не сводится к однонаправленному вектору передачи все большего числа экономических действий во власть рыночной игры. По отношению к классическому рыночному обмену почти всегда применим эффективный социальный контроль. Социальные субъекты, совершающие конкретные экономические операции, находятся далеко не в одинаковых условиях и обладают разными ресурсами. Именно по данной причине равноценный экономический обмен практически никогда не представляется возможным. Многие указывают в связи с этим на «информационную асимметрию», когда субъекты обладают неодинаковой информацией о приобретаемой и продаваемой продукции. Самым примитивным примером является реализация так называемой «левой продукции» (возможно, под маской известного бренда). Банальным случаем представляется также ситуация, когда продавец стремится завысить стоимость и качество сбываемой продукции, из-за чего в конечном счете экономические субъекты несут колоссальные убытки и невосполнимые репутационные издержки. Более мелкие экономические игроки всегда обладают крайне малым объемом информации, к примеру, жилец не знает реальную стоимость продаваемой им квартиры и при ее оценке вынужден обращаться к государственным службам, хотя имеет дело с частными риэлторскими агентствами. Современные общества требуют сложного набора правил, которые должны определять, какие транзакции легитимны, а какие нет. Запреты можно называть «заблокированным обменом» [4, p. 695].

Следует отметить, что и в рамках широко используемых в социологии моделей всеобъемлющей рациональности уже содержались важные положения, способные ограничить свободу экономического выбора. Так, один из крупнейших представителей «теории рационального выбора», американский ученый Джеймс Коулман, допускал в положениях модели рационально обоснованного принятия решений элементы, отходящие от неоклассической экономической теории. К числу таковых американский социолог относил достижение полезности путем отказа от контроля. Как мы уже ранее указывали, концепции экономических рынков строились по моделям конкуренции «атомизированных» индивидов, стремящихся к максимизации своей прибыли путем снижения издержек, между которыми распределяются ограниченные экономические ресурсы. В данном случае мы имеем основания определить прибыль в качестве сверхограниченного ресурса. Но логика экономической конкуренции подводит нас к мысли, что индивид стремится максимизировать свою полезность, установив контроль над каким-то дефицитным ресурсом. В равной степени тот же самый субъект минимизирует свою выгоду по мере утраты контроля. Экономический рынок представляет собой отношения обмена, в результате которого индивиды обретают контроль над чем-то, что является для них более предпочтительным, чем то, контролем над чем они были вынуждены пожертвовать ради нового блага. Однако, как представлял себе Дж. Коулман, возможна также ситуация, когда индивиды максимизируют полезность в одностороннем порядке, отказавшись от контроля за собственными действиями.

В ситуации общественного выбора конкретный экономический субъект не способен отказаться от чрезмерной максимизации своей полезности во имя общего блага, которое может являться для него абстрактной категорией. Но если конкретный индивид полагает, что

передача контроля за его действием другим приведет к лучшему результату, то такая передача выглядит рациональной. В роли других могут выступать крупные корпорации, с которыми индивид подписывает контракт, не вдаваясь в детальные подробности по принципу доверия к известному бренду. Однако во многих случаях больший объем доверия вызывают государственные структуры, нежели частные фирмы, особенно в ситуации, когда переход к полноценным рыночным отношениям еще не завершен полностью. В сегодняшней России недоверие к частному сектору экономики усугубляется проблемой существования фирм-однодневок и «офшорной природой» молодого российского капитализма. Отрицательный эффект также имеют нарушения при приватизации, ставшие причиной репутационных издержек российского предпринимательского класса.

Отношения представителей крупного капитала и общества асимметричны по своей природе. У конкретного субъекта ничтожно мало ресурсов для оказания влияния на принятие экономических решений, в большинстве случаев данных ресурсов нет вовсе. Только объединившись в обширные профессиональные группы, индивиды способны четко формулировать и выражать собственные интересы. В ситуации сложного экономического выбора профессиональные группы (например, мелкие и средние предприниматели) передают контроль за своими действиями, или, точнее, право на этот контроль, представителям более ресурсообеспеченных групп, как правило, крупным корпорациям с участием государства. Те в свою очередь обладают целым рядом преимуществ: лучшие лоббистские возможности, доступ к надежным инсайдерам, снижение риска конкурентных издержек. Дж. Коулман предположил, что «такого рода передача контроля, доверие к другому или предпочтение чьего-то влияния наиболее вероятны в ситуации ограниченной информации, т. е. когда результат в значительной степени не предопределен» [5, p. 171].

Теперь хотелось бы обратиться к определению самого понятия «субъект экономической деятельности». В социологии под данное определение попадают как отдельные индивиды, так и крупные хозяйствующие субъекты. Кроме того, это могут быть как юридические, так и физические лица. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, можно ли государство считать полноценным экономическим субъектом? С точки зрения классического подхода, государство по отношению к экономике всегда выступает в роли внешней силы, и его роль сводится главным образом к созданию благоприятных условий для бизнеса. При этом из виду упускается тот факт, что конкретные механизмы создания тех самых благоприятных условий – это не что иное, как вмешательство в хозяйственную жизнь. В действительности сторонники классических экономических подходов не отрицают факт того, что частные корпорации лоббируют свои интересы в государственных структурах, например, с целью создания дополнительных преимуществ в сфере конкуренции, к тому же бренд частной корпорации тесно связан с конкретным государством. Сейчас данная проблема приобрела особую актуальность ввиду наличия «сборочных цехов» и «отверточного производства», которые разбросаны по всему свету. Тем не менее компания «Фольксваген» по-прежнему является немецкой маркой, «Форд» – американской, а «Тойота» – японской, что и создает хорошие конкурентные преимущества данным производителям. Эти бренды указывают нам, какие конкретные страны обладают эксклюзивными авторскими правами на готовую продукцию, и в чьих руках сосредоточены необходимые технологии.

Безусловно, современный рынок внес свои коррективы в привычное положение вещей, и сегодня существует целая индустрия, которая получила название «франчайзинг» – торговля

уже существующими брендами. На деле это породило проблему широкого выпуска «нелицензионного товара», когда производитель больше не способен отвечать за свою продукцию. К примеру, в СССР в начале 70-х гг. XX в. итальянцы вложили значительные инвестиции в строительство «АвтоВаза», выпуск продукции которого осуществлялся по технологии известной итальянской марки «Фиат». Однако в СССР данная готовая продукция сменила название на «Лада» («Жигули») и стала считаться самой продвинутой советской автомобильной маркой. Хотя, как правило, продукция товаров самого широкого спроса неотделима от государства-производителя: французские сыры, швейцарские часы, американская пепси-кола и т. п. В 1970-е гг. американцы столкнулись с проблемой переноса своих пошивочных цехов для джинсов в Китай. Однако потребители желали приобретать именно продукцию американского производителя, поскольку экономический имидж США в то время был вне всякой конкуренции. Таким образом, совершенно очевидно, что за любыми экономическими игроками (как частными, так и государственными) стоят интересы конкретных стран-гарантов. Представители марксистских и антирыночных течений вообще считают, что государство является единственным крупным собственником экономических ресурсов и общественных благ, а также самым надежным гарантом социального обеспечения граждан.

Социально-экономический уклад «западных европейских демократий» предполагает наличие частного сектора, объем которого подвержен колебаниям, и данный процесс регулируется государством, в том числе в сфере социального обеспечения. При этом население в данных государствах имеет широкие социальные гарантии. Но мы исходим из новой экономической парадигмы, согласно которой не имеет смысла рассматривать государство в отрыве от конкретных экономических процессов. По сути, государственные органы во многих случаях выступают в роли важнейшего субъекта хозяйственных обменов, даже в ситуации, когда основными игроками являются частные компании. В действительности государственная поддержка, оказываемая конкретным компаниям, является очень ценным ресурсом. В определенные моменты истории (например, мировой экономический кризис 2009 г.) финансовая помощь от государства – это в буквальном смысле вопрос выживания. Финансирование частных банков из государственного бюджета является действием, которое противоречит законам рыночной экономики, но не идти на него значит провоцировать экономический коллапс. Ведь существует не только понятие «эффективная экономика», но и «эффективное государство». Последнее создает благоприятные условия для развития экономики разными способами, в том числе и регулирующими хозяйственные процессы: торговый протекционизм, стимулирующие меры для снижения ставок, борьба с безработицей. Примером может являться торговая война между США и Китаем из-за повышения ввозных пошлин со стороны американских государственных структур для защиты собственных производителей. Частные предприниматели ищут поддержку у государства и во многих случаях испытывают «ресурсную зависимость».

Однако в западной социологической традиции существует подход, представители которого руководствуются иной методологией, нежели сторонники «ресурсной зависимости». Речь идет о теории «социального класса» Ч. Р. Миллса, в основе которого лежат представления о том, что «главными акторами социального действия являются конкретные индивиды, а организации лишь инструмент в их руках» [6, с. 243]. С данных позиций мы можем утверждать, что за отдельными экономическими действиями стоят конкретные индивиды, целью которых является максимизация своего интереса, зачастую в ущерб общественному благу. За основу берется положение о том, что интенсивные связи между политическими и

экономическими элитными группами приводят к формированию универсальных и обязательных к исполнению правил игры, гарантом которых выступает государство. Но бывают ситуации, когда действия отдельных экономических игроков выходят за общепринятые конвенции. Классическим примером является банальное нарушение законов, например, сокрытие прибыли. Но возможна и ситуация, когда экономический субъект осознанно пытается изменить существующие правила, которые кажутся ему не отвечающими существующим реалиям. Данным игроком может быть конкретный предприниматель, бизнес-группа или государство. В последнем примере речь также может идти о конкретном лице или властной группировке. Так, избранный в ноябре 2016 г. на должность президента США Д. Трамп, вступив в должность в январе 2017 г., с самых первых дней бросил вызов существующим глобальным правилам, гарантом которых выступали сами США. Впервые американский президент поставил под сомнение ценность существующих институтов мировой экономики, прежде всего ВТО, и стал выходить из ряда торговых соглашений.

Рассматриваемая нами проблема нашла свое отражение также и в рамках модели властно-институционального подхода, где присутствует такая категория, как «социологическая модель действия» [7, р. 660]. Суть данного понятия состоит в том, что участники рыночного обмена стремятся решать проблему конкурентных рисков социальными средствами. Именно таким образом формируется основа «стабильных миров» в представлении американского социолога Н. Флигстина. Во время нормального развития изменения на рынках будут иметь второстепенный характер и зависят от структуры интересов разных акторов в государстве, а также частных инвесторов. Поэтому многие экономисты полагают, что наличие «стабильных правил» важнее их социального содержания. Но следует учитывать, что сами правила рыночного обмена устанавливаются в интересах доминирующих групп, а следовательно, вплоть до возникновения кризисной ситуации у них не будет прямой заинтересованности в изменении данных правил. И здесь возникают серьезные риски «национализации убытков» государством вследствие рыночных провалов, допущенных частными игроками: «Государственные акторы постоянно заняты разрешением того или иного рыночного кризиса» [7, р. 665].

Это прямое следствие неизбежных процессов дезорганизации на рынках, при которых частные фирмы стремятся лоббировать свои интересы и зачастую провоцируют грубое вмешательство государства в экономическую жизнь. Это может осуществляться в разных формах: антикризисная стратегия, ручное управление, выработка новой законодательной базы и т. п. Осуществляемый государством контроль за соблюдением законов влияет на то, какие именно концепции контроля могут порождать стабильные рынки. Активно ведутся политические дискуссии по поводу сути регулирующих законодательных актов, а также возможности их применения к конкретным фирмам и организациям. Также имеются законы, регулирующие допустимый уровень государственного вмешательства в споры хозяйствующих субъектов. При этом данные законы не могут носить универсальный характер, поскольку они принимаются в пользу той или иной группы: «В силу своей ведущей роли в создании и поддержании рыночных институтов государства становятся эпицентром кризиса на любом сколько-нибудь значительном рынке» [7, р. 671]. Следовательно, хаотичная природа рынков является главной причиной усилий государств по предотвращению и разрешению экономических кризисов.

Обсуждение. В свое время венгерский экономист Карл Поляни сумел описать три основные формы экономической организации: реципрокность, когда экономические отношения

строятся по принципу взаимности (экономика дара, где действует правило «ты – мне, я – тебе»); перераспределение: экономические ресурсы подлежат строгому централизованному контролю и в той или иной степени равномерно распределяются между основными субъектами; монетарный рыночный обмен на общественных площадках [8, р. 35]. По мнению многих исследователей, реципрокная модель экономики – это обязательный атрибут «корруптированных государств». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что и в «прозрачных экономиках» личные и неформальные отношения играют немаловажную роль. Американский социолог И. Валлерстайн предложил применить данный подход к своей теории мир-системного подхода: «В минисистемах экономика строилась на принципах взаимности, мироимперии практиковали перераспределение, а мироэкономики – рыночный обмен» [9, с. 86]. В действительности государственные институты всегда стремятся обеспечить более или менее равномерное развитие между областями одного и того же государства. Но, следуя законам классической модели экономики, сделать это не представляется возможным, поскольку дотации периферийным хозяйствующим сегментам затратны и во многом некупаемы, а следовательно, неэффективны. Это касается, например, затрат на поддержку депрессивных регионов, защиту отечественных неконкурентоспособных (на внутренних и внешних рынках) производителей, на искусственное создание рабочих мест ради борьбы с безработицей. По такому же принципу действовали и государства-метрополии по отношению к своим колониям, вложения зачастую превышали вывоз ценных ресурсов. Однако глобальный рынок в значительно большей степени подчинен принципу «экономической эффективности», где во главу угла ставится извлечение прибылей со стороны основных хозяйствующих субъектов современной мировой экономики – транснациональных корпораций. Но обратной стороной данных процессов являются попытки установления «неформальных отношений» с национальными элитами отдельных государств, которые в обмен на утрату части суверенитета требуют особых преференций.

Это в какой-то мере свидетельствует о возврате «принципа взаимности», поскольку во многих государствах отсутствует прозрачная нормативно-правовая база, регулирующая деятельность иностранных компаний. Таким образом, по-прежнему нет весомых оснований говорить о наличии универсальных правил игры, которые регулируют функционирование единого глобального рынка. Государственные институты по-разному регулируют рыночные процессы обмена, пытаясь создать альтернативные локальные рынки. Это могут быть отмены существующих торговых соглашений, выход из международных конвенций (например, соглашение по климату), повышение ввозных пошлин на импортируемые товары и услуги. Все это может вызывать ответные реакции, пример – торговый спор между Китаем и США и его крайняя степень проявления, а именно «тарифная война». Также многие развитые страны пытаются выработать и применить на практике антидемпинговое законодательство, призванное ограничить приток дешевых товаров и рабочей силы из третьих стран. И здесь со всей очевидностью может быть нарушен главный капиталистический принцип: «бесконечное накопление капитала». Социальные субъекты производят капитал ради его умножения, а это процесс бесконечный. Но государство не может всегда следовать данному принципу, поскольку у него присутствуют вполне конкретные социальные обязательства перед населением. Не могут также и частные промышленные компании следовать этому принципу, поскольку они отклоняются от капиталистической логики, совершая «рискованные инвестиции». К тому же производство материальных товаров затратно в значительной степени, о чем писал представитель

французского неoinституционализма Л. Тевено, разграничивая «рыночное и индустриальное обоснование» [10, с. 289].

И в конце концов нельзя ставить знак равенства между капиталистической и рыночной мотивацией поведения социальных субъектов. Рыночная модель поведения сформировалась значительно раньше «современного капитализма». Даже в древности люди производили вещи не просто так, а с целью их дальнейшей реализации (продажи) на рынке. И реализовывали они свой товар с целью получения эквивалентного обмена, в том числе и в виде денег. Кроме того, люди (исключая внеэкономические формы принуждения) получали материальное вознаграждение за свой труд, и это тоже было в докапиталистическую эпоху, а затем и при социализме. И. Валлерстайн полагает, что капитализм самым тесным образом связан с понятием «мироэкономика». Поскольку у мироэкономики нет единой конструкции в виде общепринятой культуры (в том числе экономической), также отсутствует общая политическая и правовая основа, объединяющая их заставляет только необходимость в разделении труда. Данная необходимость продиктована ростом прибылей, гарантом которых выступает капиталистическая система: «До нашего времени мироэкономики появлялись не раз, но они либо сами разваливались, либо военными средствами их превращали в мироимперии» [9, с. 100]. По мнению американского мыслителя, современная миросистема сложилась в виде ядра (экономические гиганты), полупериферии (новые промышленные страны) и периферии – отсталая часть мира. По сравнению с 80-ми годами прошлого столетия (когда были сформулированы подобные мысли), структура мира в значительной степени изменилась. Экономический центр мира все больше смещается в тихоокеанский регион, вырос удельный вес новых индустриальных стран, общим достоянием стало развитие информационных технологий практически в любом уголке земного шара. Капитализм, в свою очередь, не может существовать ни в каких иных условиях, кроме мироэкономических.

Заключение. Современная капиталистическая система зиждется на весьма хрупком балансе между интересами экономической и политической элит. Усиление первой неизбежно ведет к более интенсивным трансграничным операциям в сфере финансов, но это может затронуть интересы конкретных производителей, которые в свою очередь также являются важной частью современной модели капитализма. Укрепление властвующих элит увеличивает риски имперских трендов, т. е. возрождения «мироимперий» в понимании И. Валлерстайна, где бесконечное накопление капитала больше не будет являться основным приоритетом. Государства следуют «имперской логике» поведения и в том случае, когда они прибегают к помощи военной силы для захвата чужих рынков, а также если используют экономические инструменты для действенной защиты своих «внутренних рынков». Капиталисты нуждаются в больших рынках (поэтому минисистемы им не подходят) для полной свободы финансовых и торговых операций. При этом ареной данных экономических процессов всеобщего разделения труда являются конкретные страны, также преследующие свои конкретные цели. С некоторыми государствами удастся устанавливать эффективные формы взаимодействия, но при этом неизбежно возникает проблема «трудных и недоговороспособных». На международном уровне такие страны нередко объявляются враждебными, и глобальные экономические игроки лоббируют методы воздействия на них, находя поддержку у «дружественных режимов». Возникает парадокс, защита сложившихся правил игры на глобальном рынке диктует необходимость применения полицейских и военных методов (в отдельных ситуациях), которые являются атрибутами «мироимперий», а не современной «мироэкономики». Таким образом, современный глобальный рынок «переформируется», в том числе и с использованием насильственных средств.

Государственные институты также для защиты внутренних рынков используют подчас «внерыночные формы» принуждения, создавая преимущества «своим игрокам». Но к тем же самым далеко не рыночным способам взаимодействия прибегают и глобальные капиталисты: финансовые магнаты и производители товаров и услуг. Именно они стремятся к монополизации рынков как действенной защите от конкуренции, используя лоббистские возможности в государственных институтах. Именно по данной причине в мире получил широкое распространение институт «патентования», благодаря которому производители «новых» товаров могут получать дополнительные прибыли, конкретным приобретателям это обходится зачастую неоправданно дорого. Существует бесчисленное множество способов участия государства в работе рынка, что дает основания считать его одним из важнейших факторов ценообразования. Следовательно, государственная политика во многих случаях направлена на преодоление рыночных рисков безмерной конкуренции. В завершение приведем цитату крупнейшего американского представителя неинституциональной школы Д. Норта: «Экономические рынки, близкие к эффективным, встречаются крайне редко» [11, с. 95].

Следовательно, в структуре современного капиталистического мира не существует непреодолимого антагонизма между такими понятиями, как «рынок» и «государство», в процессе формирования нового миропорядка они как важнейшие политические институты тесно взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга соответствующее влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира / пер. Л. Е. Куббель. М.: Прогресс, 1992.
2. Коуз Р. Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 11–32.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / пер. Ю. Е. Благова, В. С. Каткало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. СПб.: Лениздат, 1996.
4. Block F. The Role of the state in the economy // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 691–710.
5. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 166–180.
6. Миллс Ч. Р. Властвующая элита / пер. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. М.: Директ-медиа Паблишинг, 2007.
7. Fligstein N. Markets as Politics: A Political-cultural Approach to Market Institutions // American Sociological Rev. 1996. Vol. 61, no. 4. P. 656–673.
8. Polanyi K. The Economy as Instituted Process // The Sociology of Economic Life / ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1992. P. 29–51.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. Г. Дерлугьяна. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2018.
10. Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. В. В. Радаев; пер. Р. А. Громовой, М. С. Добряковой, О. И. Кирчик, А. Ф. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 281–300.
11. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). С. 93–105.

Солдатов Андрей Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая социология, массовые коммуникации, PR-обеспечение бизнеса. E-mail: soldatov@smtu.ru

REFERENCES

1. Braudel, F. (1992), "World Time", *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm 15–18 vv.* [Material civilization, economy and capitalism 15-18 centuries], Translated by Kubbel', L.E. Vol. 3. Progress, Moscow, Russia.
2. Coase, R.H. (1995), "The Nature of the Firm", *Teoriya firmy* [Theory of the firm], in Gal'perin, V.M. (ed.), *Ekonomicheskaya shkola*, SPb., Russia, pp. 11–32.
3. Williamson, O.E. (1996), *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya* [The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting], Translated by Blagova, Yu.E., Kat'kalo, V.S., Slavnova, D.S., Fedotova, Yu.V. and Tsytoich, N.N. Lenizdat, SPb., Russia.
4. Block, F. (1994), "The Role of the State in the Economy" [The Handbook of Economic Sociology], in Smelser, N. J. and Swedberg, R. (ed.), Princeton Univ. Press, Princeton, UK, pp. 691–710.
5. Coleman, J. (1994), "A Rational Choice Perspective on Economic Sociology" // [The Handbook of Economic Sociology], in Smelser, N. J. and Swedberg, R. (ed.), Princeton Univ. Press, Princeton, UK, pp. 166–180.
6. Mills, C.W. (2007), *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite], Translated by Rozental' E.I., Roshal' L.G., Kon V.L. Direktmedia Publishing, Moscow, Russia.
7. Fligstein, N. (1996), "Markets as Politics: A Political-cultural Approach to Market Institutions" *American Sociological Rev.*, vol. 61, no. 4. pp. 656–673.
8. Polanyi, K. (1992), "The Economy as Instituted Process" [The Sociology of Economic Life], in Granovetter, M.S. and Swedberg, R. (ed.), Westview Press, Boulder, San Francisco, Oxford, UK, pp. 29–51.
9. Wallerstein, I. (2018), *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* [World-System Analysis. An Introduction], Translated by Derlug'yan, G. URSS, LENAND, Moscow, Russia.
10. Teveno, L. (2004), "Organized complexity: conventions of coordination and composition of economic entities", *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: Reader of Contemporary Classics], in Radaev, V.V. (ed.), Translated by Gromova, R.A., Dobryakova, M.S., Kirchik, O.I. and Filippov A.F. ROSSPEN, Moscow, Russia.
11. North, D.C. (2004), "The functioning of the economy in time", *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (21), pp. 93–105.

Andrei A. Soldatov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of philosophy and sociology, State Marine Technical University. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: political sociology, mass communications, PR-business support. E-mail: soldatov@smtu.ru